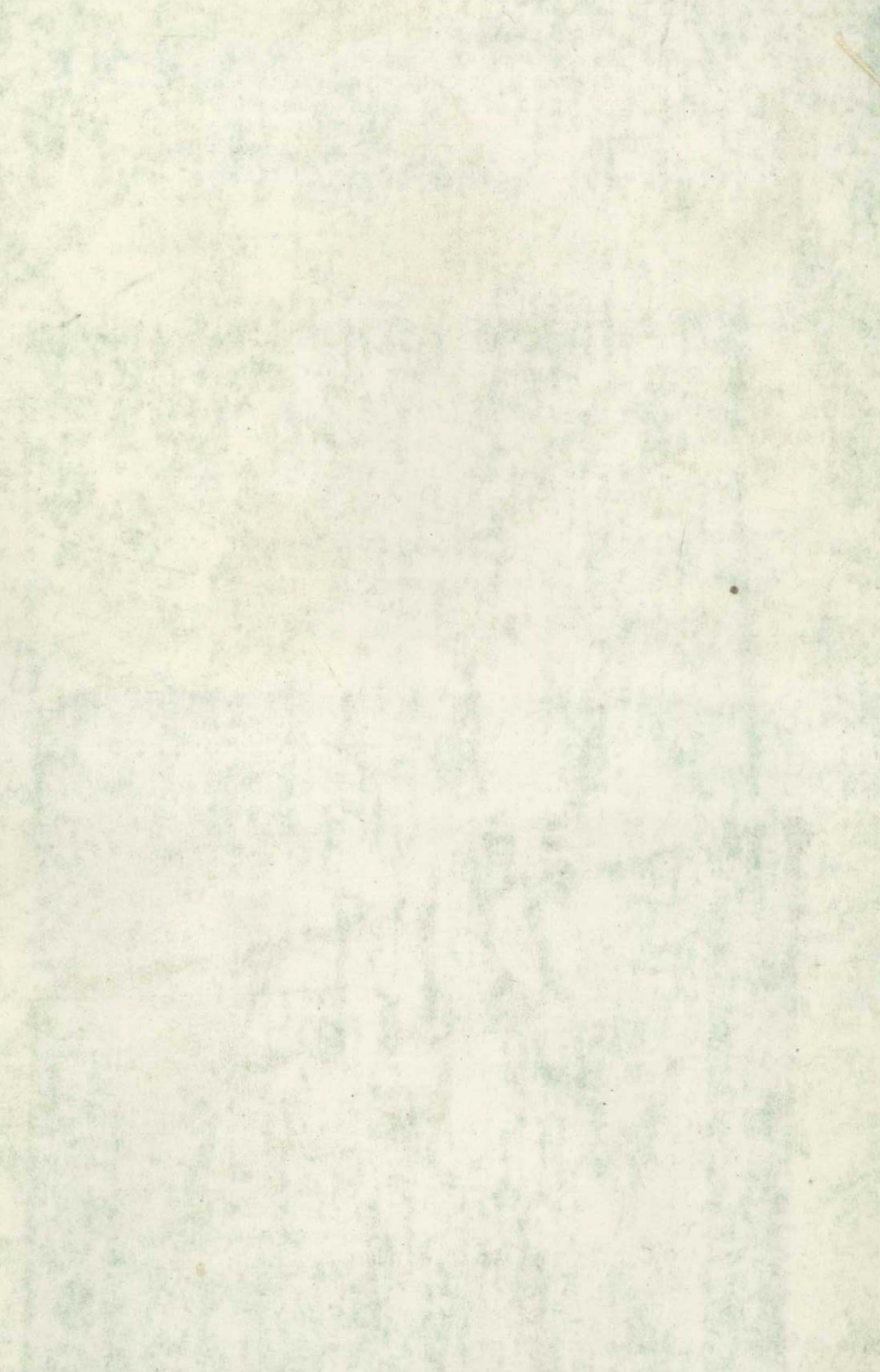

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ

*лингвогеографические
исследования*

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Москва 1983

В сборнике освещаются актуальные вопросы современной описательной диалектологии, представлена разработка целого ряда отдельных особенностей строя русского языка. Публикуемые в сборнике карты обогащают представления о территориальном размещении диалектных вариантов изученных элементов языка.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Р.И. АВАНЕСОВ.

С.В. БРОМЛЕЙ

О МОРФОЛОГИЧЕСКОМ ВЫПУСКЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Сектором истории языка и диалектологии Института русского языка АН СССР завершено создание морфологического выпуска ДАРЯ¹. Выпуск содержит 112 карт² и 12 а. л. сопроводительных текстов.

Большая часть морфологических карт посвящена формам словоизменения, — они и составляют основной корпус карт грамматического выпуска ДАРЯ. Сравнительно небольшая часть карт посвящена средствам формообразования: это карты по образованию форм сравнительной степени (59, 60), инфинитива (101–103), причастий и деепричастий (109–112)³.

1.0. Картографирование диалектных различий в морфологическом выпуске (как и в двух других; I — "Фонетика", III — "Синтаксис. Лексика") ведется в соответствии с принципами теории лингвистической географии, выработанными в процессе создания русского диалектологического атласа⁴. Основным из этих принципов является то, что объект картографирования определяется его местом в системе диалектного языка в целом, понимаемого как сложная система, состоящая из частных (диалектных) систем, проявляющих наряду с чертами общности и черты различий. Последние и являются объектом картографирования. Поэтому подход к картографированию того или иного элемента — всегда результат анализа соответствующего ему диалектного различия, осмысления его места в системе языка, определения объема языковых факторов, которые он охватывает. Все это реализуется и при картографировании в ДАРЯ явлений морфологии.

В данной статье мы охарактеризуем построение карт настоящего выпуска как реализации данного подхода на примерах картографирования морфологических явлений.

¹ Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. II — "Морфология". Редактор выпуска С.В. Бромлей (хранится в Институте русского языка АН СССР).

² См. в приложении к настоящей статье полный перечень карт II вып. ДАРЯ с указанием авторов (Аналогичный перечень карт I вып. ДАРЯ "Фонетика" и статью о нем Т.Ю. Строгановой см. в кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981).

³ Различия в формах словообразования представлены в ДАРЯ незначительным количеством карт в связи со слабой разработанностью этого раздела диалектологии на этапе составления "Программы". Эти карты включены в III вып. ДАРЯ — "Синтаксис. Лексика", поскольку различия в словообразовании широко отражаются и в собственно лексических картах.

⁴ См. подробнее: Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И. Аванесова (Глава I. Лингвистическая география и структура языка) М., 1962, где эти принципы изложены Р.И. Аванесовым.

1.1. Как известно, основная часть диалектных различий русского языка в области морфологии не касается самого наличия или отсутствия тех или иных форм словоизменения. Различия в этой области относятся в основном к структуре форм словоизменения, распределению синонимичных аффиксов по разным классам основ. В области строения системы словоизменения имеет место различие или совпадение (полное или по отдельным признакам) тех или иных форм в пределах отдельных парадигм⁵. Картографированию таких различий и посвящены карты настоящего выпуска ДАРЯ.

Структура форм словоизменения может варьироваться по говорам в связи с различиями в фонемном составе одних и тех же окончаний, — основной вид различий, касающийся в той или иной мере всех частей речи (ср. различия типа *травкой*: *травкуй* и т. д., в *худых*: в *худы́й* и т. д. *несёшь*: *несешь* и т. д. *носят*: *носят* и т. д.); в наличии или отсутствии чередований в основе (*люблю, любишь ...: люблю, любишь ...; могу, можешь ... могут: могу, можешь ... могут*), а также места ударения (*люблю́, люби́шь: люблю́, люби́шь; спокойнее́, румянее́ ...: спокойнее́, румянее́ ...*).

Любое из этих различий охватывает определенный класс словоформ: 1) все словоформы, реализующие данную форму словоизменения, например, различие окончаний прилагательных с конечной фонемой <х> или <ф> относится ко всем словоформам предл. п. мн. ч. (в *худых, бёлых, тонких ...* и т. д.: в *худы́й, бёлы́й, то́нкий*); 2) либо класс словоформ, границы которого определяются некоторым структурным признаком: в словах, характеризующихся определенной основой (например, различия в чередованиях, противопоставляющих основу 1 л. ед. ч. основе во всех других формах глаголов, имеет место только у глаголов II спряжения с основой на губные и зубные согласные), или в словах, которым свойственно то или иное ударение (например, различие окончаний твор. п. ед. ч. существительных I склонения с фонемой <о> или <у> характеризует только слова этой категории с ударением на основе: *сте́нкой: сте́нкуй, ве́рбой: ве́рбу́й ...*⁶; структурные ограничения такого рода приводят иногда к выделению по своим морфологическим особенностям одного слова; например, подвижное ударение при чередовании <г> // <ж> в основе характеризует только глагол *мочь*, в связи с чем диалектные варианты парадигм настоящего времени по признаку чередований и по признаку ударений у этого глагола имеют значительное своеобразие и отличаются от вариантов парадигм у остальных глаголов с основной на заднеязычные согласные.

В соответствии с местом этих различий как различий морфологических, реализующихся во всех словоформах данного класса, они картографируются в принципиально лексически неограниченном круте словоформ, хотя

⁵ Подробную характеристику морфологических различий русских говоров как объекта картографирования см.: Вопросы теории лингвистической географии (Раздел II главы 2 Диалектные различия в формах словоизменения. Авторы раздела С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова).

⁶ Иногда такого рода условия реализации (признаки класса, в пределах которого данное различие имеет место) недостаточно выявлены, предположительны. Например, для данного различия — роль исхода основы на разные согласные (в первую очередь заднеязычные) или двусложность окончания (-ойу: -уйу). Эти предположительные условия также учитываются при картографировании (см. карту 3).

практически этот класс, как показано выше, может состоять из конечного числа словоформ и даже из одного слова.

Поэтому вынесенная в название формулировка темы карты, содержащая указание на грамматическую форму и соответствующий ей класс слов, по существу уже определяет тот материал, на основе которого проводится картографирование. В комментариях этот материал (если карта составлена без применения статистики, — см. с. 10) характеризуется обычно лишь с количественной стороны. На отдельные слова или группы слов авторы карт обращают внимание (иногда выносят их на карту) только в тех случаях, когда они в силу каких-то причин выбиваются из общих закономерностей. Такими причинами могут быть особенности их фонетического строения (например, глаголы *ткать* и *скать* отклоняются от системы чередования, присущей всем другим глаголам с основной настоящего времени на заднеязычный согласный в связи с особенностями фонетической структуры основы, состоящей из сочетания согласных; см. карту 95), морфологические особенности (ср. выделение на карте 98, посвященной чередованиям в основе глаголов II спряжения глаголов с основой на *д-* в некоторых западных говорах, связанные, по-видимому, с характеризовавшим некогда эти глаголы исходом на *дж-*, сохранившимся в части говоров, ср. *хаджу*, *виджу* ...); в отдельных случаях обособлению слова (словоформы) в морфологическом отношении может способствовать и преимущественное его употребление в определенных синтаксических условиях (ср., например, особенности в образовании формы сравнительной степени с основой *скор-*, — карта 59). Все подобного рода отклонения, связанные с определенными словами (или группами слов), если не находят особого отражения на картах, обязательно оговариваются в комментариях к ним. В принципе же отсутствие в них всякой лексической характеристики материала является для морфологических карт нормой: оно свидетельствует о том, что явление как морфологическое одинаково реализуется во всем массиве словоформ выделенного грамматического класса, охарактеризованного, как правило, уже в названии карты⁷.

1.1.2. Другим распространенным типом морфологических различий является различие в количестве синонимических окончаний у той или иной формы словоизменения и в распределении таких окончаний по классам словоформ. Так, например, в одних говорах в форме предл. п. мн. ч. существительных имеет место только одно окончание *-ах* (или *-аф*), в других — часть существительных может иметь окончание *-ох* (при *-ах* у остальных): *в костях*, *на санях*, *у конях* и т. д. Или формы инфинитива в одних говорах могут иметь шесть суффиксов: *-чи* (*печи́*), *-чь* (*стричь*), *-ти*, (*идти́*), *-ть* (*ходи́ть*), *-сти* (*нести́*), *-сть* (*класть*), в других только три: *-чь*, *-ть*, *-сть*. Классы словоформ, оформленные каждым из суффиксов говоров первого типа,

⁷ Поскольку название карты не может быть слишком громоздким, в нем иногда используются характеристики картографируемого объекта, подобные следующим "Форма инфинитива глаголов типа *нести*, *грести*" (карта 101). В таких случаях подробная характеристика картографируемого класса слов дается в комментариях. В них же приводятся и полные списки слов закрытых классов, так как в этих случаях читателю может быть интересен лексический состав слов, среди которых в диалектах сохраняются представители непродуктивного класса, не сохранившиеся в литературном языке; так например, в комментариях к карте 101 среди глаголов на *-сти* приводятся такие, как *вязти* (вязать), *бости* (бодать), *скусти* ('шипать').

соответственно в говорах второго типа оказываются объединенными попарно одним суффиксом.

Различия этого типа также могут быть связаны со структурно вычленимыми в системе языка классами основ (ср. последний пример, где различия пар суффиксов инфинитива в говорах первого типа определяются акцентным типом глаголов) и в пределах этих классов безразличны к лексике. Они, как и различия в фонемном составе окончаний, рассмотренные выше, характеризуются в названиях и комментариях посредством соответствующих признаков (типов основ, акцентных типов и др.). Однако среди различий в количестве и распределении синонимичных окончаний часть составляют такие, где оформление словоформы тем или иным аффиксом безразлично к лексике: словоформы одних слов выступают с одним окончанием, других слов — с другим, причем в каждом говоре круг слов, оформляемых тем или иным аффиксом, различен⁸. Картографирование таких различий требует пристального внимания к словарному составу материала; только количественная его характеристика уже не является достаточной.

В связи с лексической закрепленностью формальных элементов сам объект картографирования для диалектных различий подобного типа каждый раз подлежит выбору и требует обоснования, причем различный выбор объекта теснейшим образом связан с собранным по данному явлению материалом (его полнотой, регулярностью приведения в ответах тех или иных слов), а также с характером его территориальной локализации.

Такого рода различия, отражающие свойственные диалектному языку в его современном состоянии живые морфологические процессы, неравномерно охватывающие по говорам разные слова, наиболее адекватно было бы и картографировать на материале отдельных слов, поскольку каждое из них с данным окончанием занимает особую территорию распространения. Однако такой способ картографирования неэкономичен, к тому же он все равно не может дать представление о всех словах; картографирование же нескольких слов, представленных в "Программе" в качестве примеров на данное явление (каждое из которых к тому же встречается не во всех ответах), вряд ли может представить интерес. Поэтому в ДАРЯ такие явления картографируются обычно одним из двух способов.

Если разные слова с данным окончанием не слишком расходятся в своем территориальном распространении, располагаясь примерно на одной территории, то для картографирования выбирается одно слово, наиболее часто встречающееся в материалах (см. карту 18 "Формы предл. п. ед. ч. существительного *город*") и в этом случае все его формы находят полное отражение. Это слово является как бы представителем целой группы слов, характеризующихся в комментариях через свойственные им формальные признаки. В других случаях, при больших территориальных расхождениях разных слов, интересующий вариант окончания картографируется (в пределах того круга основ, где он получил тенденцию к распространению)

⁸ Диалектные различия подобного типа в морфологии называются *нерегулярными*. Их более детальную характеристику см.: Вопросы теории лингвистической географии, с. 75—85.

на материале любых словоформ (т. е. без учета конкретной лексики). Такие карты выявляют ареалы, в пределах которых имеет место данная языковая тенденция, см., например, I и III темы на карте 60 "Продуктивность суффикса сравнительной степени -ее и его разновидностей" (I) и "Формы сравнительной степени типа *удобнее, спокойнее*" (III). В тех случаях, когда это возможно (имеем в виду количественную сторону собранного материала), на таких картах показана также статистическая характеристика явления, отражающая разную интенсивность, с которой оно проявляется на разных территориях (см. I тему указанной карты). На части карт, посвященных явлениям такого рода, выбирается вариант картографирования, объединяющий оба описанных выше способа. Картографирование одного слова с полным противопоставлением его вариантов сопровождается показом тенденции в распространении одного из этих вариантов, картографируемой на материале любых слов того же класса. При таком показе общая тенденция и ее частное проявление в одном слове объединяются в пределах одной карты и взаимно дополняют друг друга. Таким способом выполнен, например, ряд карт, посвященных форме им. п. мн. ч. существительных (карт 24—27), а также карта 16, посвященная форме предл. п. ед. ч. существительных мужского и среднего рода.

1.2.0. Морфологические различия могут касаться отдельных форм словоизменения (или формообразования) или же целой системы форм — парадигмы.

1.2.1. Различия отдельных форм словоизменения в свою очередь относятся к форме в целом, при этом на карте такие формы являются предметом противопоставления (ср., например, формы им. п. мн. ч. *дом* : *домы*; *домы*⁹ или формы предл. п. ед. ч. существительных муж. р. *на конце* : *на конци* : *на концу*) или же эти различия касаются только отдельных признаков данной формы. Последнее имеет место в том случае, когда в составе той или иной формы варьируется один ее элемент (или признак), а иногда два (или более), но каждый из них образует самостоятельное диалектное различие, так как каждый из признаков реализуется в своих вариантах в разных классах словоформ и имеет разное территориальное распространение. При картографировании варианты таких признаков выделяются в качестве членов самостоятельных междиалектных соответствий, например ⟨х⟩ : ⟨ф⟩ в составе окончаний в форме предл. п. мн. ч. у любых существительных (а также и прилагательных) : *на руках*, *в сѣлах* ... : *на рукаѣ*, *в сѣлаѣ* ... (*в стѣрых*, *на своѣх* ... : *в стѣрыѣ*, *на своѣѣ* ...). У части существительных, как мы упоминали, в этой же форме может иметь место диалектное различие, связанное с гласной окончания: ⟨а⟩ : ⟨о⟩ (или ⟨е⟩). Оно реализуется только в пределах тех говоров, которым свойствен признак ⟨х⟩ того же окончания: *в гостях*, *на санях* ... : *в гостѣх* (-ех), *на санѣх* (-ех) ... Эти различия окончания существительных в форме предл.

⁹ Отвлекаемся здесь от того, что данное различие, как и многие другие, не является однолинейным, одноплановым. Оно содержит различия: 1) по характеру окончания, 2) по месту ударения. Выражение при картографировании разных планов подобного рода многоплановых различий разными картографическими средствами — общая черта подхода к картографированию в ДАРЯ диалектных различий любых уровней. О специфике многоплановых различий в морфологии см.: Вопросы теории ..., ч. II, раздел 3, гл. 2.

п. мн. ч. как самостоятельные диалектные различия картографируются на разных картах ДАРЯ (см. карты 39, 40).

Некоторые из различий, связанных с отдельным признаком окончания, реализуются в двух или более формах данной парадигмы; например, если в форме род. п. мн. ч. прилагательных имеется по говорам различие типа *от худых, без молодых ...: от худьих, без молодьих ...*, то оно имеет место также и в других косв. падежах (*к худым, к молодым ...: к худьим, к молодьим ...* и т. д.), при чем и в пределах одного говора, если отмечается *от худьих*, то есть и *к худьим* и *с худьими*, — т. е. этот признак равномерно реализуется во всех формах парадигмы, где он потенциально может проявиться. Такие различия, где целый ряд форм проявляет полную эквивалентность по данному признаку, в принципе равнозначны одноименному различию в одной (любое) форме. Они картографируются на материале всех форм, где данное различие имеет место, но на карте, посвященной такому различию, знак может быть поставлен, при неполном материале (содержащем не все формы) на основании любой из форм, которая приведена в ответе, причем в комментариях нет надобности оговаривать, на основе каких именно форм поставлен знак в каждом данном нас. п. (см., например, карту 53, посвященную упомянутому выше различию). Эквивалентность картографируемых форм по данному признаку делает вполне законным такое использование материала.

Вопрос о целесообразности картографирования разных признаков одной и той же формы на одной или на разных картах может решаться по разному (в том числе и в зависимости от разных приводящих обстоятельств, например, от степени загруженности той или иной карты). Однако, несомненно, что распределение их по разным картам целесообразно по крайней мере в тех случаях, когда разные признаки данной формы реализуются в разном наборе форм и в разных классах слов. Например в форме 3 л. ед. ч. глаголов I спряжения с ударными окончаниями (типа *идет, несёт*) имеют место различия в гласном окончании ⟨о⟩ : ⟨е⟩, в наличии или отсутствии конечного *т*, и в случае наличия последнего — в твердости или мягкости *т*. Различие ⟨е⟩ : ⟨о⟩ характеризует, кроме данной формы, также формы 2 л. ед. ч. и 1 и 2 лиц мн. ч. Это — различие в системе форм (см. об этом ниже), которое целесообразно показать на отдельной карте (см. карту 83). Различие в наличии и отсутствии *т* имеет место и в форме 3 л. мн. числа, причем оно проявляется неодинаково у глаголов I и II спряжений в зависимости от ударности или безударных окончаний. Чтобы читатель легко мог сопоставлять распространенность этого признака во всех этих категориях случаев, целесообразным оказалось выделить его при картографировании от других и показать его реализацию с необходимой дифференцией материала на одной карте (отдельно для формы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., см. карты 81, 82). Что касается признака *т : т'*, то он реализуется одинаково у всех форм 3 л. (как единственного, так и множественного числа), независимо от их принадлежности к спряжениям, и картографировался соответственно на материале всего массива тематических глаголов (см. карту 80).

Итак, при картографировании отдельных признаков авторы карт ДАРЯ, как правило, отвлекаются от других, представленных в тех же формах, учи-

тывая для каждого данного признака тот круг форм и классов слов, в которых он реализуется¹⁰.

Однако во всех случаях, когда соотношение признаков в пределах одной и той же формы может представлять специфический интерес, они картографируются как признаки именно этой формы на одной карте (см. карту 84, посвященную форме 3 л. ед. ч. глаголов I спряжения с ударением на окончании, где в центре внимания именно соотношение указанных признаков в данной форме).

1.2.2. Различия в системе форм, или собственно парадигматические различия, имеют место в говорах в случаях:

1. Когда не менее двух форм парадигмы имеют диалектные варианты по одному и тому же признаку, но не во всех говорах сохраняется их эквивалентность. Так, например, в окончаниях мн. ч. прилагательных может варьироваться ударенная гласная ((*е*) : (*и*)), но этот признак в одних говорах однородно реализуется во всех формах (ср. *молодые, молодых, молодым* ...: *молодеи, молодех, молодем* ...), а в других при (*е*) в им. п. выступает (*и*) в косв. пп.: *молодеи, но молодых, молодым* ...

2. Когда две или более форм парадигмы в одних говорах различаются, а в других — совпадают, причем совпадение может осуществляться в окончании, специфичном как для одной, так и другой из совпадавших форм, например в твор. и предл. п. муж. р. ед. ч. местоимений *мой, твой, свой* (ср. *в моём, с моим*: *в моём, с моём*: *в моим, с моим*).

Наиболее адекватным способом картографирования таких различий является синтетический способ обозначения соотношения форм парадигмы на карте, т. е. такой, при котором каждая из диалектных разновидностей этих соотношений получает особый знак на карте.

Однако попытки картографирования таких различий на карте этим способом встретились со значительными трудностями, которые связаны с вариативностью форм, имеющей место в системе многих говоров (например, наличие в них сосуществования форм типа *молодых* и *молодех* или *в моём* и *в моим* и т. д.). В связи с неопределенностью, возникающей при установлении парадигматических отношений в условиях такой вариативности у части (а иногда и у всех) учитываемых при картографировании форм, более предпочтительным является метод аналитического показа всех вариантов каждой отдельной формы (или группы форм, связанных отношениями эквивалентности). Он позволяет исследователю, пользующемуся данными такой карты, более объективно и самостоятельно судить о вероятности тех или иных парадигматических связей картографируемых форм на разных участках территории, в пределах которой имеет место такая вариантность. Синтетический подход к картографированию удалось реализовать для по-

¹⁰ В отдельных случаях на разных картах могут быть показаны не разные признаки той или иной формы, а разные конкретные варианты данной формы. Так, формы мн. ч. прилагательных, если они образуются с окончаниями, начинающимися фонемой (*е*) (*молодеи, молодех* ...), выделены на отдельную карту (49), где картографированы их парадигмы ((*е*) только в им. п. ед. ч. или также и в косв. падежах). Это сделано из тех соображений, что формы с гласной (*и*) окончания (*молодые, молодых* ...) практически распространены повсеместно, а проявляющиеся в им. п. мн. ч. различие в стяжении и его отсутствии, характерно только для форм, где в окончании имеет место фонема (*и*) (*молодые, сухие* ...: *молоды, сухи* ..., см. карту 57).

добного типа различий в немногих картах (см., например, карту 95, посвященную чередованиям в глаголах).

В случаях картографирования различий в парадигмах, касающихся определенного признака в нескольких ее формах, когда каждая из форм может в системе отдельного говора отличаться по его реализации от остальных, карта строится таким образом, что на ней отражается только "диалектный"¹¹ член междиалектного соответствия. Это вызвано тем, что построение карты, посвященной такому сложному различию как противопоставленной (с показом "литературного"¹² варианта) сделало бы ее чрезмерно перегруженной и вызвало бы затруднения чисто технического порядка в ее построении. Описанным способом строится, например, карта 83, на которой сведения о наличии гласной (е) в каждой из форм парадигмы настоящего времени (2, 3 лиц ед. ч. и 1, 2 лиц. мн. ч.) глаголов I спряжения с ударными окончаниями накладываются друг на друга. Тем самым на карте вырисовываются ареалы различных сочетаний форм с данным признаком, что соответствует разным парадигмам глаголов I спряжения, выделенным по этому признаку. Поскольку материал по данному явлению полный (нередко даже обильный), то отсутствие указаний в карте на наличие гласной (е) в окончании той или иной формы практически означает наличие в ней только окончаний с гласной (о). Таким образом, мы пренебрегаем при данном построении карты только показом наличия или отсутствия окончаний с гласной (о) в тех случаях, когда в той же форме отмечено указанное на карте окончание с гласной (е).

2. Как мы говорили, среди карт морфологического выпуска ДАРЯ имеются карты, построенные с показом количественной характеристики явления. Способы показа характеристики языкового явления при его картографировании не отличаются от тех, которые были применены в вып. I "Фонетика". Количественная характеристика может быть нанесена на карту путем непосредственного отражения данных о количестве примеров, которым данное явление иллюстрируется в каждом из ответов (так, например, картографирована I тема на карте 60), а может быть предварительно обобщена для групп непосредственно соседствующих населенных пунктов, относящихся к примерно равным по площади территориям, для которых вычисляется суммарная относительная частота примеров с данным вариантом окончания¹². Примером применения этого метода в морфологических картах является карта 14. Метод предварительной статистической обработки диалектного материала для картографирования с показом количественного соотношения вариантов, разработанный Н.Н. Пшеничновой¹³, применен в настоящем выпуске ДАРЯ не только для показа интенсивности проявления данной языковой черты на разных территориях ее распространения (см.

¹¹ Кавычки в этих случаях указывают на условность этого разграничения ("диалектный" — "литературный" член междиалектного соответствия), так как применительно к диалектному языку любой реализующийся в нем языковой вариант является диалектным.

¹² Метод впервые применен И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, см. их статью: К вопросу о постпозитивных частях в русских говорах. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. III М., 1962.

¹³ См.: Пшеничнова Н.Н. Лингвистическое картографирование на основе анализа материала статистическим методом. — В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

карту 85), а также и в новой функции — для выявления чисто лингвистических характеристик. Так, карты 88, 90, 92, построенные с применением этого метода и посвященные явлению стяжения гласных (в результате утраты интервального [й] на стыке основы и окончания) в формах настоящего времени глаголов I спряжения, имеют своей целью выделить зону, где результаты фонетического в своей основе (и сохраняющее такой характер в большей части севернорусских говоров) явления морфологизовались в акающих среднерусских говорах, вследствие чего соответствующие глаголы (в отличие от тех глаголов I спряжения, где для стяжения не было условий) приобрели здесь особую систему слогоизменения ср. *думаю* (или *думу*), *думаюш*, *думат* ... *умею*, *умеш*, *умет* ... и т. д. — так называемое III спряжение¹⁴. Территориальные границы распространения этого типа спряжения могли быть выявлены только с применением статистического метода обработки относящегося к этому явлению материала при его картографировании¹⁵.

3. Многие из карт морфологического выпуска ДАРЯ освещают не одну, а две или больше тем, что обычно видно из самого названия карты, где разные темы помечаются римскими цифрами.

Как правило, темы, объединенные на одной карте, находятся в теснейшем единстве. Обычно это — варианты одной и той же формы у разных классов слов (см. например, карты 39, 101). Реже объединение одной или нескольких тем носит более внешний характер; будучи объединены отношением к одной и той же грамматической категории, темы эти относятся к разным аспектам диалектного варьирования относящихся сюда форм. Ср., например, темы освещенные на карте 60.

Помимо этого на многих картах основная тема осложняется некоторыми побочными, не отраженными в названии. Эти побочные темы обычно выражены изоглоссами. По своей функции они также различны. В одних случаях они служат дополнительным материалом карты, помогая понимать характер распространения того диалектного различия, которое для данной карты является основным. Например, на карте 83, посвященной распространению окончаний с гласной ⟨e⟩ у глаголов I спряжения (*несёшь*, *несёт*, *несём*, *несёте*) даны: 1) изоглосса распространения форм 3 л. глаголов с конечным мягким *г'*, которая определяет фонетическую причину перехода [e] > [o] в окончании 3 л. ед. ч.; 2) изоглосса форм 2 л. мн. ч. с ударением на окончании (типа *несите*), которая снимает для территории в пределах этой изоглоссы сам вопрос о наличии оппозиции ⟨e⟩ : ⟨o⟩ в окончании этой формы; 3) изоглосса наличия сочетаний мягких согласных на стыке окончания и постфикса -ся в возвратных формах глаголов, которая также определяет фонетические условия перехода [e] > [o] в соответствующих формах (*нес* [e't's'] *а*), ср. наличие в тех же говорах фонемы ⟨o⟩ у невозвратных глаголов, имеющих конечный *т* твердый (*не* [s'ot']).

Функцию, отличную от этой последней (в прямом смысле — дополнительной), несут изоглоссы, отражающие на некоторых картах побочные те-

¹⁴ См.: Бромлей С.В. Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас, 1970. М., 1972. Термин "III спряжение" в данном его понимании впервые введен в книге: Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

¹⁵ См. статью Н.Н. Пшеничной в данном сборнике.

мы. Они как бы предлагают читателю связать тему данной карты с другим явлением, часто другого уровня языка (фонетического) для интерпретации (исторической или структурной) картографируемого явления. Например, на карте 85, посвященной безударным окончаниям -*ит*: -*ут* у глаголов 2-го спряжения (*но́сят, видя́т ...: но́сют, видя́т ...*), дается изоглосса совпадения гласных на месте этимологических ⟨е⟩ и ⟨и⟩ в конечном заударном слоге. Ее показ на данной карте имеет своей целью обратить внимание на то, что при окончании -*ут* в 3 л. мн. ч. этих глаголов в условиях совпадения в их парадигме также и других безударных окончаний I и II спряжений (различающихся в других говорах фонемами ⟨е⟩ (⟨о⟩) и ⟨и⟩), данные глаголы совпадают по своему спряжению с глаголами I спряжения, имеющими безударные окончания, образуя "общее" спряжение¹⁶.

4. Морфологические диалектные различия вычленяются среди различий других уровней языка на основании двух критериев: с одной стороны это различие должно представлять синтаксическое тождество, с другой не быть обусловленным фонетическим строем говоров. На этом основании различия типа *два мужи́ки* и *два мужика́*, хотя и выражается во флексиях существительного, не признаются морфологическим по первому критерию, а рассматриваются как синтаксическое (см. вып. III ДАРЯ), поскольку это факт разного согласования числительных *два, три, четыре* с существительными: в одних говорах в форме род. п. ед. ч., в других в форме им. п. мн. ч. (ср. в последних — *две ноги, три око́шки* и т. д.). Различия же типа *ба́б* [ой], *сте́нк* [ой] ...; *ба́б* [ай], *сте́нк* [ай] ...; *ба́б* [э́й], *сте́нк* [э́й] ... и т. п. хотя также представлены во флексиях, не могут быть отнесены к морфологическим по второму критерию, так как они обусловлены фонетической системой говоров (ср. в тех же говорах соответственно *го́р* [о] *д*, *го́р* [а] *д*, *го́р* [э] *д* и т. д.) и на морфологическом уровне должны рассматриваться как тождество. Формы же *ба́б* [у́й], *сте́нк* [у́й] по отношению к другим указанным выше формам твор. п. ед. ч. жен. р. в их совокупности представляют особый, именно морфологический (а не фонетический) вариант. Наличие в них [у] не обусловлено фонетической системой говоров, так как нет говоров, где бы любому ударенному [о] в позиции заударного конечного слога соответствовал [у]. Звук [у] реализует здесь не фонему ⟨о⟩, а фонему ⟨у⟩. Различия же в фонемном составе окончаний (в данном случае окончания ⟨ой⟩, представленного фонетическими вариантами - [ой], - [ай], - [э́й], и окончания ⟨уй⟩) являются морфологическими, составляя наиболее распространенный тип морфологических диалектных различий русского языка. Картографирование различий в фонемном составе окончаний той или иной грамматической формы предполагает объединение всех фонетических вариантов в соответствии с фонемами, которые реализованы в звуковом составе этих окончаний, ср. объединение - [ой], - [ай], - [э́й] в окончании ⟨ой⟩ твор. п. ед. ч. существительных жен. рода на -а при противопоставлении его окончанию ⟨уй⟩ (см. карту 3); или объединение - [ов], - [оф], - [оу́], - [оw] в окончании ⟨ов⟩ род. п. мн. ч. существительных при противопоставлении его окончанию -ей и нулевому на картах, посвященных

¹⁶ Термин введен в статье: *Бромлей С.В.* Противопоставленность I и II спряжения в русских говорах и литературном языке. — В кн.: *Исследования по русской диалектологии*. М., 1973.

этой форме (36–38). Объединение диалектных вариантов окончаний, обусловленных фонетической системой говоров и потому представляющих собой тождество на уровне морфологии, как очевидное условие выделения единиц этого уровня в комментариях не оговаривается. Особые фонемы, отсутствующие в литературном языке <ê> и <ô> (сохранившиеся в части говоров — первая на месте старого ё, вторая — на месте исконного о под восходящим ударением), представленные в говорах рядом аллофонов ([ê], [и̯е], [и̯ё] и др. ... [ô], [о̯у], [Уо] и др.) в морфологическом выпуске ДАРЯ всегда, независимо от реального их звучания в говорах, обозначаются соответственно как <ê> и <ô>.

Отграничение морфологических диалектных различий от синтаксических в ДАРЯ не составляло трудностей, чего нельзя сказать об отграничении их от фонетических.

Тесно связанные своим происхождением с явлениями фонетического уровня, некоторые морфологические различия в части современных говоров еще не вполне оформились как таковые, не полностью отделились от своей фонетической базы, тогда как в других — уже морфологизовались. Таковы различия, возникшие на базе стяжения — процесса в своей основе фонетического, вызванного утратой интонекального [й], но тесно связанного особенностями своей реализации с отдельными морфологическими категориями, в связи с чем посвященные ему карты (54–57 и 88–94) и помещены в грамматическом выпуске ДАРЯ¹⁷. От них следует отделить различия, также имевшие некогда в своей основе фонетическую базу, (т. е. с диасинхронической точки зрения фонетические), но в настоящее время, в связи с завершением в далеком прошлом породивших их фонетических процессов, полностью относящихся к различиям в фонемном составе определенных морфем. Так, различия окончаний -[ой] : -[ый] : -[эй] в им. п. ед. ч. прилагательных (*молодой*: *молодый*: *молодэй* и др.); в основе наст. вр. и повел. накл. глаголов типа *рыть* (*рою*: *рыю*: *рзю* или *рой*: *рый*: *рзй* и др.), в формах повел. накл. глаголов типа *бить* (*бей*: *бий*) связано в прошлом с разной судьбой фонетических сочетаний редуцированных с [й] по говорам. В настоящее время нельзя указать фонетических условий, определяющих соответствия элементов [ой] : [ый] ([ий]) : [эй] ([ей]) в говорах. Поэтому с синхронной точки зрения их следует относить к морфологическим. Они также отражены в картах настоящего выпуска ДАРЯ (см. карты 42, 100).

Специфические трудности связаны с установлением фонемного состава флексии. Они возникают при картографировании форм с безударными окончаниями в говорах (главным образом южнорусских), которым свойственны разные типы совпадения фонем в заударной позиции: это совпадение в разных говорах данного типа охватывает неодинаковые по составу группы фонем (в заударном слове после мягких согласных, например, совпадать в части говоров могут все различающиеся под ударением фонемы) и реализуется в разных звуках. Разные типы совпадения фонем в заударных

¹⁷ О формировании на базе стяжения особого типа словоизменения глаголов — III спряжения см. с. 11 в связи с использованием статистического метода для определения территориальных границ его распространения.

словах не удалось выявить достаточно полно (см. ДАРЯ, вып. I. "Фонетика") в связи с неполнотой собранного материала, так как в "Программе" соответствующие вопросы были сформулированы по отношению не ко всем гласным. В этих условиях картографирование фонемного состава безударных окончаний в части случаев заменялось картографированием звуков, варьирующихся по говорам в том или ином окончании.

На картах такого типа за различиями в звуках в одних случаях может стоять различие в фонемном составе окончания (или морфологическое различие), а в других — различие в позиционном варьировании одной и той же фонемы (или фонетическое различие). Квалификацию для говоров этих различий как морфологических или как фонетических автор карты на себя взять не может. Такое вынужденное "соскальзывание" на фонетический уровень при картографировании того или иного различия всегда специально оговаривается в комментариях (см., например, карту 50). Дальнейшее изучение данных таких карт на этапе более глубокой проработки типов нейтрализации гласных фонем в заударном положении даст возможность внести эти уточнения.

5. В заключение следует отметить, что карты морфологического выпуска ДАРЯ, как и выпуска фонетического, в большей своей части демонстрируют определенный и во многих случаях сплошной (не прерывистый!) характер ареалов, запечатленных на них языковых явлений, в особенности их специфически диалектных разновидностей. Немаловажно и то, что многие явления морфологии близки по своим общим конфигурациям к ареалам фонетических явлений, повторяя их основное направление в пределах того или иного пучка изоглосс, что и позволило авторам новой диалектологической карты русского языка в ряду других языковых черт широко использовать явления грамматики при выделении различных, в том числе и основных единиц диалектного членения русского языка¹⁸. Это показывает в то же время, что русские диалекты на этапе их фиксации для атласа характеризуются достаточно глубокой дифференциацией, пронизывающей весь их строй — фонетику, морфологию. Это же можно сказать и о явлениях синтаксиса (см. III вып.), хотя в каждом из этих уровней различия касаются в основном второстепенных сторон, не затрагивая определяющих черт их организации. Это одновременно обеспечивает и их значительную близость, обуславливающую свободную возможность общения лиц разной диалектной принадлежности.

К числу элементов грамматического строя языка, которые не дают четких изоглосс, образуя зачастую разорванные, "кружевные" ареалы разной степени плотности на разных частях общей территории своего распространения, относятся в основном лишь явления, представляющие собой так называемые нерегулярные морфологические различия (см. выше сноску 8). Как нам приходилось отмечать выше, это те точки морфологической системы диалектного языка, где активно протекают живые процессы, в разной

¹⁸ Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. Вспомним, что авторы "Опыта диалектологической карты русского языка в Европе", Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков, при решении вопросов отнесения говоров к основным наречиям русского языка и среднерусским говорам опирались в основном на фонетические черты (оканье-аканье [ɪ] — [ʏ]), которые они считали наиболее важными для выделения диалектов, см.: там же, с. 33.

мере проявляющиеся в разных говорах (имеем в виду широту охвата соответствующих словоформ). Их изучение представляет также специфический интерес, так как в самом характере их протекания (в том виде, в каком они были захвачены на момент обследования) можно усматривать модель исторических изменений подобного же характера, некогда имевших место также и в других частях структуры диалектного языка. Подобного же рода изменения (например, распространение окончания *мн. ч. -а́*) дают себя знать и в литературном языке, и для их изучения материал соответствующих карт ЦАРЯ дает необходимый диалектный фон (хотя, конечно, это далеко не единственный пример необходимости учета явлений диалектного языка для изучения литературного).

Для более подробного ознакомления с кругом картографированных явлений приведем полный перечень лингвистических карт, составляющих выпуск.

Диалектологический атлас русского языка
(Центр Европейской части СССР)
В ы п у с к II — "Морфология"

№ карты	Название карты	Автор
1	Форма родительного падежа единственного числа существительных на <i>-а</i> с ударными окончаниями	Л.Н. Булатова, И.А. Букринская
2	Форма дательного и предложного (местного) падежей единственного числа существительных на <i>-а</i> с ударными окончаниями	Л.Н. Булатова
3	Безударное окончание в форме творительного падежа единственного числа существительных женского рода I склонения	В.Н. Теплова
4	Форма дательного падежа единственного числа односложных существительных III склонения с исконно подвижным ударением в сочетании с предлогом <i>к</i>	А.И. Сологуб
5	Форма дательного падежа единственного числа односложных существительных III склонения с исконно подвижным ударением в сочетании с предлогом <i>по</i>	А.И. Сологуб
6	Форма предложного падежа единственного числа односложных существительных III склонения с исконно подвижным ударением	А.И. Сологуб

№ карты	Название карты	Автор
7	Формы дательного и предложного падежей единственного числа существительного <i>лошадь</i>	А.И. Сологуб
8	Форма творительного падежа единственного числа существительных <i>печь, лошадь</i>	А.И. Сологуб
9	Форма именительного и винительного падежей единственного числа существительного <i>мать</i> ,	А.И. Сологуб, В.Н. Теплова
10	Форма именительного падежа существительного <i>свекровь</i>	А.И. Сологуб
11	Окончания I склонения у существительных среднего рода с ударением на основе	А.К. Васильева
12	Согласование прилагательных с существительными исконно среднего рода в именительном падеже единственного числа	А.К. Васильева
13	Согласование прилагательных в форме женского рода с существительными исконно среднего рода в родительном и предложном падежах единственного числа	А.К. Васильева
14	Употребительность окончания <у> в предложном падеже единственного числа неодушевленных односложных существительных мужского рода типа <i>дом, бок</i>	Е.Г. Бурова
15	Форма предложного падежа единственного числа существительного <i>лес</i>	Е.Г. Бурова
16	Форма предложного падежа единственного числа существительного <i>конец</i> (I). Ударенное окончание <и> у существительных мужского и среднего рода в предложном падеже единственного числа (II)	И.А. Букринская
17	Безударное окончание <у> в форме предложного падежа единственного числа неодушевленных существительных мужского рода с неодносложной основой и неподвижным ударением на основе	Е.Г. Бурова
18	Форма предложного падежа единственного числа существительного <i>город</i>	Е.Г. Бурова